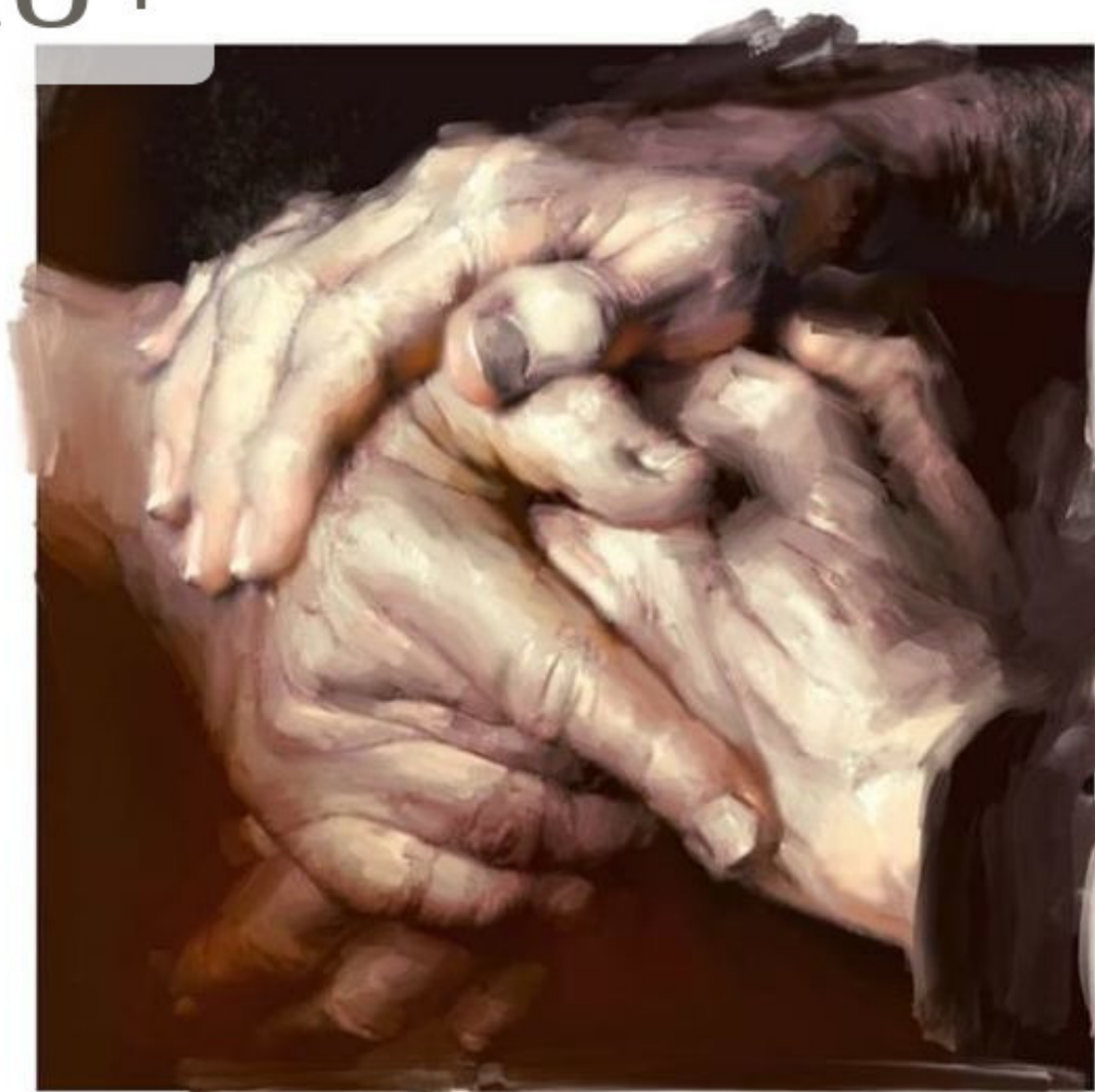

18+

ЕЛЕНА·БАСАЛАЕВА
СЧАСТЛИВАЯ·БЫЛА

Елена Басалаева
Счастливая была

«Издательские решения»

Басалаева Е. М.

Счастливая была / Е. М. Басалаева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-556844-1

В сборнике собраны пронзительные рассказы из реальной жизни. Как правило, в центре повествования героиня, попавшая в сложную жизненную ситуацию. Душевная открытость и доверие к миру помогает ей сделать правильный выбор и остаться человеком.

ISBN 978-5-00-556844-1

© Басалаева Е. М.
© Издательские решения

Содержание

Елена Басалаева	6
Апрель	7
Цыганская дочь	9
Ценители прекрасного	19
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Счастливая была

Елена Михайловна Басалаева

© Елена Михайловна Басалаева, 2021

ISBN 978-5-0055-6844-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Басалаева Счастливая была Рассказы

Аннотация

В сборнике собраны пронзительные рассказы из реальной жизни. Как правило, в центре повествования героиня, попавшая в сложную жизненную ситуацию. Душевная открытость и доверие к миру помогает ей сделать правильный выбор и остаться человеком.

#русскаяЛитература, #современнаяЛитература, #женскаяПроза, #книгиОЛюбви, #женскиеСудьбы, #жизненныеИстории, #поискСчастья, #сборникРассказов, #авторскийСборник

18+

Художник Гога Тандашвили

© Басалаева Е. М., 2021

Публикуется в авторской редакции

Корректор Л. Ройтман

Апрель

Вы знаете, про апрель есть много примет. Например, синие облака – это к теплу и дождю. Если апрель мокрый – будет хорошая пашня. Если днем жарко, а ночью прохладно – это к сухой погоде. Если долго ожидаемый вами троллейбус только что прошел, но не в вашу сторону – значит, очень скоро, конечно, пройдет и в вашу.

Вот люди на остановке, например, отлично знали последнюю приметку. Им всем был нужен троллейбус номер икс и только он. И хотя троллейбус шел из года в год по одному и тому же маршруту, каждый из тех, кто стоял на остановке, надеялся доехать на нем до своего, особенного места.

Немолодая женщина в клетчатом пальто критически заметила:

– Уже, наверное, пять минут, как наш туда ушел...

Приподнявшись на цыпочки, кудрявая девушка осматривала горизонт.

– Во-он какой-то вижу, – медленно произнесла она, щуря глаза с густо накрашенными ресницами.

Двое из ожидавших доверчиво вытянули шеи. Все приготовились к штурму.

В сырой апрельский вечер по широкой, но пустынной улице городской окраины мчался с шумом троллейбус. И вдруг решил притормозить.

– К нам приехал, к нам приехал наш троллейбус дорогой! – никого не стесняясь, воскликнул пенсионер лет шестидесяти пяти, в кепке.

Тотчас же вся толпа, будто река, прорвалась в открытые двери.

– За проезд оплачиваем, в середину проходим, – усталым голосом сказала стоявшая у входа кондукторша.

Она была милая и совсем молодая. Если представить ее одетой в длинное кремовое – вы знаете, именно кремовое – платье, убрать голубоватые тени под глазами, появившиеся от недосыпания, и вдобавок поставить не возле поручня, а под какое-нибудь раскидистое дерево, то она была бы очень похожа на одну из девушек с полотен импрессионистов.

Пенсионер в кепке расположился прямо напротив входа.

– Пенсионное ваше где? – спросила у него девушка и выразительно повернула руку вверх ладонью. – Я говорю, давайте пенсионное!

Дед неожиданно резко повернулся к ней и сказал, усмехнувшись:

– А кто сказал, что у меня пенсионное? Что уж, такой старый?

– Ты мне, дядя, шутки не шути, – понизив голос, заметила девушка предостерегающе. – Ты плати или корочки давай. А то пешком – и до свидания.

Половина пассажиров с интересом наблюдала за этими двумя. Гадали: заплатит – не заплатит. Маленький мальчишка слез с коленей матери, чтобы лучше все видеть. Женщина в клетчатом пальто, наоборот, притворилась, что ищет у себя в сумке ключи.

– И что ты сердитая такая? – притворно вздохнул веселый дед. – Что, уж и пошутить нельзя? А может, ты мне понравилась?

– Чего-о? – изумилась кондукторша.

– А что? – дед обвел хитрым взглядом салон троллейбуса. – Весна! Апрель.

Девушка ругалась, запутавшись в словах:

– Я тебе дам – весна! Шутит он! Козел ты старый... У меня вообще муж есть!

Она крикнула водителю:

– Коля! Ты ж мой муж, правда?

– Ага, – громко и радостно ответил тот в громкоговоритель.

Пожилой мужчина покачал головой – казалось, что сокрушенно, – и достал из внутреннего кармана темно-красное удостоверение.

– Да вот оно, мое... На, не ругайся.

Девушка не стала открывать документ и даже не взяла его. Она села на кресло, над которым было написано «Место кондуктора не занимать», и скрестила руки на груди.

– Вы... забудьте уж, а? – робко сказала она деду. – С пяти утра на ногах! Между прочим... Замоталась. Вот и это... злюсь.

– Ты не злись, девочка, – от души посоветовала женщина в клетчатом пальто, – а то камни в почках образуются. А как злиться будем – раньше и помрем.

Троллейбус, лязгнув дверьми, тем временем впустил еще одного пассажира.

Дверь почему-то не закрывалась, и мальчик заметил, что все-таки на улице уже очень темно. Кондукторша поглядела на пол, грязный от занесенных с ног пассажиров земли и песка.

– А что... Может, там и лучше. Молодым – квартира, на которую за всю жизнь не накопишь. А старым – покой.

– А зачем нам покой? – сказал на это дед. – Не надо нам покоя, – и, чуть приподнявшись с места, крикнул:

– Ну, поехали, муж!

Цыганская дочь

Много песен прошло через мою жизнь, много звуков и мелодий волновало меня, пробуждало в душе радостные и печальные воспоминания; много стихов, положенных на музыку, без всяких клипов превращалось в моём уме в яркие, обретающие плоть образы, которые заставляли поверить в то, что песня – это истина, что её герои, которые ищут, творят, любят (про что же ещё слушать песни, как не про любовь?!) – живы и правдивы.

В девять лет я ещё не ведала, кто такие Киплинг, Островский, Михалков и Гузеева. Я только знала, что на праздниках, а иногда и просто в выходные, по телевизору показывают кино, в котором мечется и плачет красивая девушка в белом платье, которую мучают разные неприятные особы. И, видно, чтобы убежать от этих назойливых типов, она садится на корабль и поёт, а вместе с ней поют и танцуют совсем другие, весёлые, бойкие люди в цветастых костюмах:

Мохнатый шмель – на душистый хмель,
Цапля серая – в камыши.
А цыганская дочь – за любимым в ночь,
По родству бродяжьей души.

И милая девушка в белом всплескивает руками, веселится, пляшет, смеётся... А потом её почему-то выгоняют с этого корабля, не разрешают больше радоваться, гонят обратно к угрюмым назойливым людям, из яркой ночи в хмурое утро.

Поклонницей «Жестокого романса» была не только моя мама, но и её подруга, которая обязательно включала пресловутого «Мохнатого шмеля» на своих днях рождения, чтобы танцевать под него с платком на плечах. И однажды я спросила у них обеих:

– Кто такие цыгане?

Мама и её подруга сказали, что цыгане – это люди, которых надо остерегаться, потому что они не работают и воруют. И петь так красиво, как в «Жестоким романсе», давно уже не умеют.

С тех пор прошло много лет, и жизнь занесла меня работать в детский сад. Там мне доверили приглядывать за малышами-двухлетками, собирать с ними пазлы, гулять, играть – то есть работать воспитательницей на ясельной группе, самой младшей из возможных в нынешних садиках. В первую неделю я привыкала к плачу и рёву, стоящему в яслях с семи до десяти утра. С девяти часов детишки понемногу успокаивались, понимали, наверное, что мамы-папы придут ещё не скоро, и начинали заниматься своими делами: катать машины, кидать мячики, рассматривать картонные книжки.

Один из ребятишек, по имени Максим, любил в то время только одну игру – с посудой. Ему нравилось расставлять-переставлять стаканчики на специальной игрушечной кухоньке, складывать в кастрюльку маленькие пластмассовые овощи, «мыть» тарелки в раковине. Я любила наблюдать за ним. У него были яркие, чётко очерченные тонкие губы, широко распахнутые карие глаза с короткими чёрными ресницами, и смуглая кожа с нежным румянцем. Из-за слишком выступающих скул и оттопыренных ушей его нельзя было назвать красивым ребёнком, но он подкупал меня своим прямым взглядом и тем, что в отличие от других детей, говорил постоянно не «дай, дай», а, наоборот, «на, на».

– На, на, – повторял Максимка, взмахивая руками, как бабочка крыльями.

– Это он «няня» говорит. Мама, то есть, – объяснила мне однажды напарница, пожилая женщина, проработавшая тридцать с лишком лет в яслях.

Мама приходила за Максимкой рано, в пять часов. Она работала младшим воспитателем в другой группе нашего же детского сада. Её звали красиво, как мою маму – Любовь. Люба

притягивала меня своей необычностью. Она ярко красила свои и без того выразительные губы, которые были полнее, чем у сына, мазала веки бирюзовыми тенями, часто надевала блузки и кофты с большим вырезом, носила вещи каких-то диких, кислотных цветов. Но её кричащая внешность странно не соответствовала кроткому взгляду ясных карих глаз, скромности движений и робкой, хотя иногда слегка лукавой, улыбке.

Мне хотелось познакомиться с ней, и я, отдавая вечером ребёнка, стала рассказывать ей о том, что он делал, как себя вёл. Она слушала, иногда благодарила за заботу, и только. Но однажды она задержалась, пришла не в пять, а около семи. В яслях остался один Максим, не считая моей родной дочки, которую я привела из другой группы. С того дня мы и стали общаться.

Нам было легко друг с другом. Люба сразу рассказала, что её воспитали не родители, а бабушка, с которой она живёт и сейчас. Я тоже поведала ей про свою семью.

– А где у тебя муж? – спросила я.

Она несколько секунд смотрела на меня, может быть, пытаюсь угадать, зачем я задаю такой вопрос.

– Где-то в Емельяново. А твой?

– Мой где-то в Красноярске.

Люба поглядела на меня вначале с удивлением, граничащим с испугом, а потом в лицо расхохоталась. И я стала смеяться вместе с ней.

– Прости, – сказала она, всё ещё не оправившись от смеха. – Я думала, что одна такая потеряшка.

– Ничего, – успокоила я.

Напарница в яслях неодобрительно смотрела на то, что я болтаю с Любой и слишком часто ласкаю Максима.

– Ребятишек вообще нельзя гладить, тискать. Они же привыкнут. Будут лезть к тебе, и работать нельзя будет, пойми. А к этому я вообще не знаю, что тебя тянет. Он же нерусский.

Через несколько дней я отважилась спросить у своей новой приятельницы:

– Люба, слушай, а кто ты? Я имею в виду, по национальности... Не таджичка? Но вроде имя русское...

Она смущённо усмехнулась:

– Да я цыганка.

– Понятно, – сказала я коротко. – А я русская. Вроде бы...

– По тебе видно, – успокоила меня Люба. – Ты точно русская.

Когда моя смена выпадала с утра, мы почти не виделись – только в столовой, когда мне надо было получать кастрюли с едой (нянечки в яслях тогда не было). Но если я работала с обеда до вечера, то иногда с пяти часов выводила всю свою немногочисленную группу на участок. Туда же выходили гулять Люба с Максимом. Приглядывая вполглаза за четырьмя или шестью ребятишками, мы успевали поболтать, рассказывая друг другу о детстве, о семье, о ребёнке. Так длилось до первых чисел октября.

И вдруг Люба пропала.

Она просто не пришла на работу. Воспитатели на группе звонили ей, но телефон не отвечал. Максимки, понятно, в тот день тоже не было в садике.

– Да ведь зарплату только что перечислили, – махала рукой моя многоопытная напарница. – Получила деньги, да и пошла гулять. Не переживайте, придёт.

На следующий день была суббота, а в понедельник Люба и вправду вернулась, как ни в чём не бывало. На мои вопросы она отвечала нехотя и уклончиво. Я отстала от неё, и только узнала, что Люба как-то договорилась с заведующей и задним числом написала заявление на день без содержания.

Приятельствовать мы продолжали. К ноябрю заведующая намекнула, что скоро планирует перевести меня из яслей на какую-то старшую группу. Я надеялась оказаться вместе с Любой, но меня назначили воспитателем к другим детям. Впрочем, Люба вроде бы совсем не расстроилась:

– Хорошо, дорогая, что тебя перевели! Тебя надо к старшим. Ты умная. Посидеть бы нам с тобой где-нибудь после работы, кофе попить...

Я только вздохнула в ответ, потому что и сама хотела бы посидеть с Любой, но денег на кафе у меня не водилось, а вести её домой было нельзя: я жила тогда в съёмной комнате, на подселении.

– И я с родными живу, – утешала меня подружка. – Пока тоже к нам нельзя. Ремонт у нас. Бабушка руководит. Но скоро должны закончить, уже обои остались. Придёшь к нам. Бабушка вкусно кофе варит.

Сын у Любы всё ещё не разговаривал, так и повторяя только слова «няня» и «всё, всё». Я посоветовала ей сводить к врачу, но она отмахнулась:

– Э, заговорит! Так заговорит, что ещё не будешь знать, как остановить.

У неё был долг за садик, о чём знали все – подробный список должников с фамилиями и суммами заведующая разложила по группам. За мной числилось всего несколько сотен, которые я тут же возместила, а за Любой – ровно две тысячи.

– Денег нет, – жалобно объясняла она на планёрке.

Завхоз (ворчливая, как все работающие на этой должности, но довольно добродушная женщина) тут же, при всех, одолжила ей пару тысяч. Моя бывшая напарница с яслей скептически хмыкнула:

– Ну, завтра вы вашу Любу не увидите...

– Да надоела она, – недовольно прибавила воспитатель с Любиной группы, когда народ уже наполовину разошёлся по рабочим местам. – То кружки не помоешь после сока. То банки после огурцов-помидоров в шкафу оставит. А куда их, нам?! Всё же выкидывать надо... А ещё опаздывает!

Мне было немного обидно от таких слов, и я думала: «Увидите все, обязательно она завтра придёт! И вовремя».

Она и впрямь пришла. Без опозданий. И её действительно увидели все. Не заметить Любу в тот день было трудно. С дальнего конца коридора она торжественно шагала в сияющем синем наряде, серебристый люрексный блеск которого был не в состоянии спрятать скромный нянечкин фартук. Подол облегающего трикотажного платья спускался ниже колен.

– Ну, красотка, привет, – сказала я.

– Привет, – радостно отозвалась она. – Как ты думаешь, мне идёт?

Она игриво мотнула хвостом из густых чёрных волос и выжидающе, как ребёнок после того, как рассказал стишок деду Морозу, посмотрела на меня.

– Красиво, Люба. Очень здорово... Только... На что же ты его купила?

– Мне же вчера Надежда Семёновна дала денег.

– Но она думала, ты заплатишь за садик.

Люба обиженно выпятила вперёд пухлую нижнюю губу.

– И ты так говоришь, как мои воспитатели. Но ведь платье мне тоже нужно! Скоро новый год.

Я вздохнула.

– Ты говорила, что у вас и еды мало...

– Да, мало... – согласилась Люба, задумчиво облизнув крашенные алой помадой губы. – Вот я и купила кофе и муку. Бабушка будет лепёшки печь.

В садике все возмущались её поступком, и больше всех, разумеется, завхоз, которой было жаль впустую одолженных денег. В последнюю предновогоднюю неделю я не раз слышала, как она ругала «проклятую нерусь» то коридорной нянечке, то вахтёру, то психологу.

В качестве подарка моей дочке Люба принесла кулёчек вкусных карамелек в шоколаде, и мне захотелось тоже сделать для неё что-нибудь хорошее.

– Слушай, Люба, у тебя же остался долг за садик? – спросила я.

– Остался.

– Возьми, пожалуйста, от меня тысячу взаймы, и заплати хоть часть. Отдашь через пару месяцев.

Люба всплеснула руками.

– Ой, спасибо, дорогая! Ой, спасибо!

Мы обнялись.

– Пообещай, что заплатишь долг, – настаивала я.

– Заплачу, заплачу! Вот ты подруга настоящая! С новым годом тебя! Счастья тебе! Здоровья!

– И тебе, Любочка!

После новогодних каникул она проработала с неделю, а потом пропала.

Все ожидали, что Люба, как осенью, вернётся на следующий день, но она не объявилась ни завтра, ни послезавтра. Телефон, само собой, не отвечал.

Я стала не на шутку переживать. На очередной планёрке заведующая сказала, что собирается заочно уволить Любовь.

– Может быть, с ней что-то случилось? – робко предположила я.

Все вокруг посмотрели на меня с какой-то снисходительной жалостью: мол, неужели не понимаешь?

– Всё понятно, конечно, но... Вдруг действительно что-то случилось? – собрав всю свою смелость, настаивала я. – Давайте узнаем?

– Как узнаем? – спросила заведующая.

– Надо съездить к ней... Я поеду... Адрес же записан в яслях там, в книжке...

Заведующая неожиданно быстро согласилась.

– Давайте, съездите к ней, но побыстрее, чтобы мне определиться, увольнять уже её или как.

В яслях я выписала Максимкин домашний адрес и на следующий день вместе с дочкой поехала туда. Оказалось, что жили они от садика довольно далеко. Я ожидала увидеть частный дом, но это была обыкновенная хрущёвская пятиэтажка. Ещё раз взглянув на номер квартиры, я облегчённо выдохнула: получалось, что Любино семейство обитало на первом этаже. Это означало, что нам с дочкой не обязательно было дожидаться, пока кто-нибудь выйдет из подъезда. Достаточно было стукнуть в окно.

Я постучала несколько раз. Наконец тюлевую шторку приоткрыл высокий и худой темноволосый парень.

– Позовите Любу, пожалуйста!

Парень не шевелился.

– Любу! Любу позовите! – я подумала, что парень плохо слышит, и перешла на крик.

Шторка мотнулась обратно, в доме послышались какие-то возгласы, стук, шаги. Через пару минут подъездную дверь открыла моя приятельница.

– Это ты! Это что же, правда ты? – схватив меня за руки, восторженно прошептала она.

– Да я, конечно...

– И доченька твоя. Ай, милые, пойдём...

Когда из тускло освещённого подъезда мы вошли в коридор, я увидела, что смуглое Любино лицо сделалось землисто-зеленоватым и заметно похудело. Плечи тоже утратили пол-

ноту, стали острыми, и во всей её фигуре было выражение усталости и нездоровья. Она куталась в какой-то нечистый фланелевый халат с длинными полами.

– Болеешь? – спросила я.

Она не ответила, пока мы с дочкой не прошли на кухню. Там на клеёнчатом диванчике сидел довольный Максимка и столовой ложкой поедал сырую сгущёнку из банки.

Люба подвинула моей Тане банку с карамельками и глубоко вздохнула.

– Лена, плохо мне... – она испуганно огляделась, не стоит ли кто-нибудь рядом с дверьми кухни. – Ты только шёпотом говори, ага? Я болею... Слабость такая, тошнит... Прямо сил нет встать. С утра выворачивает. Не знаю, что же это, раньше не было так...

Ошеломлённая догадкой, я вопросительно уставилась на неё.

– А ты случайно?..

– Да, да, – она выставила вперёд ладонь, не дав мне договорить. – Не знает никто пока.

– А он?

– Он знает. Сказал, подумает.

О чём именно подумает, я не стала переспрашивать.

Я рассказала Любе, что на работе все, естественно, недовольны и ждут объяснений.

– Заведующая и вовсе хочет тебя уволить. Ты бы хоть позвонила ей. Нельзя же так теряться. Позвони.

Люба вжалась в угол кухни, замотала головой.

– Я боюсь. Меня уже столько не было, будут сильно ругать. Сильно, сильно будут ругать...

– Ну что же делать, всё равно надо позвонить, прийти, – пыталась убедить я её.

На глазах у Любы блеснули слёзы.

– И за работу ругать будут, и за это... бабушка ой, ой как будет ругаться! – вцепившись тонкими пальцами в грязное полотенце, шёпотом повторяла она.

Я вздохнула.

– Ну что ты как маленькая...

Она совсем расплакалась и кинулась мне на шею.

– Скажет: куда ты мне понарожала? О-о...

Я отважилась спросить её про мужа.

– В Емельяново он... я тебе ведь говорила.

– Так что же, он с тобой не живёт?

– Нет, почему... живёт иногда.

Немного погодя, убедившись, что родные увлечённо смотрят какой-то фильм по телевизору, она стала рассказывать:

– Бабушка не хотела, чтобы я с ним сошлась. Он, знаешь... такими нечестными делами занимается. Ну, незаконными... немного. Одно время он тут жил, у нас. Но долго жить не смог. Он такой горячий, сердится быстро. Кричал. Бабушка тоже сердилась... Но вообще-то он хороший.

Я горько улыбнулась: вот она, фраза, которой каждая женщина готова оправдать мужчину, которого любит.

– Он взял да уехал в Дивногорск. А я тут осталась с Максимкой. Тут бабушка, мама, отчим. Накинулись на меня: как это муж тебя бросил?! Это же позор... Плохая, значит, жена. Бабушка говорит, что я хозяйка плохая...

– Вот ты и поехала его искать?

– Да. А он ни телефона не оставил, ничего... Только сам иногда приезжал, когда хотел. Летом был, потом в октябре был. А потом вот в ноябре, декабре ни разу и не приехал. Я соскучилась по нему. И поехала его искать... Вот, каникулы-то были.

– И нашла? – поневоле удивилась я.

– А то! – с гордостью ответила Любка.

Я поглядела на неё, только сейчас успеваю сопоставить все факты.

– Ты, получается, как раз у него была, на новый год?

– Не на сам новый год, а второго января. А третьего я уже сюда уехала. Чтоб мои не потеряли.

– Мать... – изумлённо покачала я головой. – Ну, ты снайпер. В один день... Точное попадание.

Она, похоже, не поняла мою грустную шутку.

В кухню заглянула одетая в чёрное старуха. Она была не очень высокой, но статной, и казалась стройной, несмотря на свои однозначно немолодые годы.

– Бабушка, это подруга моя, Лена, – представила меня Люба. – Мы с ней вместе работаем. Она пришла проведать, как я.

Я поздоровалась.

– А я ей объяснила, что на больничном, что сейчас болею, и эту неделю можно не приходить, – затараторила Люба, взглядом показывая, чтобы я молчала и не возражала.

– Так что же ты сидишь? – накинулась на неё старуха. – Доставай колбасу, доставай винегрет! Угости человека!

Люба мгновенно выпрямилась, как струна, и подлетела к холодильнику.

– Ты проходи туда, в зал, – пригласила меня старуха. – Проходи, проходи. А дети пусть игрушками поиграют.

За считанные минуты в большой комнате собрали и накрыли белой скатертью стол, нарежали варёную колбасу и сало, выложили в огромную хрустальную чашу винегрет, рядом в тарелочке – солёные огурцы. Высокий парень, которого я увидела в окно, переключил телевизор на музыкальный канал. Он смотрел на меня с явным интересом, но мне его молчаливое внимание было скорее неприятно, и хотелось, чтобы он либо отошёл от меня, либо сказал хотя бы несколько слов. Но он молча сидел рядом со мной в кресле.

Люба и её мама продолжали кружиться по дому, приносить хлеб, посуду, салфетки. В воздухе витала непередаваемая смесь запахов старой мебели, чеснока, пряностей, варящегося в турке кофе и фильмов Эмира Кустурицы.

Наконец все сели за стол.

– Ну, Бог благослови, – торжественно сказала бабушка, и мы начали есть.

Она представила мне по именам Любиных мать и отчима. Оба они на её фоне выглядели какими-то невыразительными. Кивнула на парня:

– Это Андрей.

Некоторое время мы ели молча, а я не могла оторвать глаз от старухи. Трудно было определить, сколько ей лет. Морщинистые руки, пятна на лице и шее говорили о преклонных годах. Но при этом все движения у неё были быстрые, чёрные гладкие волосы поседели только наполовину, а глаза, тёмные, как осенняя ночь, смотрели пристально и строго. От такого взгляда, казалось, невозможно было ни скрыться, ни даже немного уклониться.

Она стала расспрашивать меня, предлагать угощение. После мяса и винегрета Любина мать подала кофе с карамельками и сухарями.

Старуха отпивала медленно, с наслаждением.

– Сколько, говоришь, лет твоей дочке? – спросила она.

– Четыре.

Она облокотилась на ручку старого коричневого кресла.

– А у меня две дочки и сын. Но могло быть больше. Я ведь сделала девятнадцать аборт.

Когда человеку сообщают что-то неожиданное, но хотя бы теоретически укладывающееся в его картину мира, обычно говорят, что он испытывает удивление. Когда же он слышит или видит вещь, которой даже не мог вообразить, то удивления не бывает – бывает ступор от того, что ты пытаешься хотя бы немного осознать только что воспринятый факт. Я не знаю

людей, удивившихся информации о том, что ближайшую к нам звезду Альфа Центавра отделиют от Земли четыре с лишним световых года. Это настолько невероятно, что находится за пределами удивления.

Старуха ещё много рассказывала мне о своём муже, о старшем сыне, который умер, о разных событиях в своей жизни. Меня уже стали утомлять эти рассказы, но слушать её вполуха было навряд ли возможно – здесь, в этом доме, она царствовала и правила.

– А ты почему к нам раньше не приезжала? – довольно строго спросила она, когда мы уже попрощались.

Я растерялась.

– Так вы меня не звали.

– Теперь зовём. Приезжай к нам, когда захочешь, – одарила она меня монаршей милостью.

С Любой мы договорились, что она придёт в понедельник и вместе со мной, чтобы было не так страшно, явится к заведующей с повинной. Она пришла во вторник. Весь садик смотрел на неё откровенно неприязненно, хотя на сей раз у Любы не было ни блестящего платья, ни привычной красной помады на губах.

– Попроси остаться, – посоветовала я ей.

– Нет, – неожиданно решительно отказалась она. – Подумай сама, как мне тут работать? Все надо мной насмеваются. Одна ты нормальная.

Заведующая, разумеется, отчитала Любу. Я побывала с ней некоторое время, пока меня не попросили уйти, да я и сама почувствовала, что теперь им надо поговорить наедине. Сидели они долго, и минут через десять я не выдержала и подбежала послушать. Люба плакала и повторяла одно слово:

– Верну, верну.

Оказалось, что она ещё до нового года набрала долгов на четырнадцать тысяч. Только завхоз ссудила её при всех. Остальные, жалея, втихомолку, как и я, решили занять Любе кто пятьсот рублей, кто тысячу, кто полторы. Никому она долг пока не отдала.

Отрабатывать две недели она отказалась наотрез:

– Пусть заплатят меньше, я туда не приду. Они меня теперь ненавидят. Какую-нибудь гадость сделают. Или ребёнку моему сделают. Уйду так.

Ей выплатили деньги, из которых она вернула большую часть долга.

– Отдашь мне в марте? – попросила я.

– Конечно! Я сейчас устроюсь куда-нибудь, садиков много. И отдам тебе.

Садиков, конечно, всегда было много, и нянечки в них требовались постоянно. Однако у Любки было две существенные детали: уже родившийся и скоро собирающийся родиться ребёнок.

Я выписала для неё несколько номеров детских садов. Она звонила, но ей отказывали, ещё не узнав про беременность: далеко не все руководители были готовы за бесплатно взять трёхлетнее чадо. Я уже предлагала Любе устроиться уборщицей или кассиром в «Красный Яр».

– Ага, а куда Максимку дену? – вопрошала она.

– Дома.

– Бабушка не будет с ним возиться! Она деньги даёт, продукты, а возись, говорит, сама.

– У тебя там ещё брат есть, – вспомнила я.

Люба отвернулась и замолчала.

– Не хочешь про него говорить? – догадалась я.

– Он не совсем того у нас, – смущённо пробормотала Люба. – Заикается ещё... Нельзя с ним.

Она устроилась в садик прямо напротив дома, не читая никаких объявлений.

– Я просто пришла туда и сказала: «Вам нужна няня?» И они меня взяли.

Признаться, я не очень-то поверила подружке, уже понимая, что она может, делая честные глаза, наврать с три короба. Но во второй мой визит бабушка подтвердила, что Люба, точно, работает, и Максимка тоже ходит в новый сад.

– Через две недели аванс, вот я тебе и заплачу, – пообещала Люба.

Про беременность она уже призналась родным.

– Я ведь на работу устроилась, деньги буду получать, бабушка поэтому не так уж сильно ругалась, – рассказала мне она.

В марте я напомнила ей про долг, просила заплатить, но Люба сказала, что аванс быстро истратился, и просила подождать ещё две недели до зарплаты.

К началу апреля мне позарез нужна была эта одолженная тысяча. Подходил срок платы за комнату, а денег мне не хватало. Одну тысячу пришлось занять на работе, вторую я ожидала получить назад от Любы.

Когда я в очередной раз позвонила ей, телефон был отключён. На следующий день – тоже. Мне ничего не оставалось, как вместе с дочерью снова поехать к Любе домой.

Помню, что в этот приезд я почему-то посмотрела на всё происходящее другими глазами. Вот сейчас мне не хватает денег, меня, в самом плохом случае, попросят съехать из комнаты, а теперь я еду возвращать свою кровную тысячу, которую у меня выманила хитрая особа, умеющая втираться в доверие.

Когда я стала мыслить в таком ключе, то заметила, что подъезд был грязным и заплёванным, и прямо возле двери валялась целая россыпь окурков.

«И, главное, я иду к цыганам, к какой-то сумасшедшей бабке, да ещё и тещу за собой ребёнка», – вдруг ужаснулась я самой себе.

Слово «цыгане», вкуче с потёртыми коврами на стенах и нелепыми красными дорожками на полах, стало вызывать во мне какое-то смутное чувство между брезгливостью и страхом. Крепкий запах кофе казался тошнотворным, голос Любиного отчима, выкрикивающий нерусские слова – резким и неприятным.

Но, когда я увидела Максимку, и моя дочь легко пошла к нему навстречу, как к старому знакомому, то эти страх и пренебрежение куда-то улетучились.

Я объяснила старухе, что мне срочно, позарез нужна одолженная тысяча, а Люба не отвечает на телефон и не возвращает мне её.

– Понятно, – отозвался Любин отчим.

Матери не было дома. Я подумала, что это, наверное, не случайно: выходило так, что они с Любой работали, обязательно должны были работать, а отчим и брат сидели дома.

– Она плохо поступила, – сказала старуха. – Она вообще от нас много скрывает. Извини её, пожалуйста.

Бабка протянула мне невесть как появившуюся у неё в руках тысячу.

– Держи, у тебя ребёнок, деньги нужны. А когда она тебе соберётся отдать, ты скажи ей, чтоб вернула бабушке.

Я протянула руку, но почему-то медлила забрать купюру. Долгие секунды, которые прошли между сказанными старухой словами и моим «спасибо», я смотрела на лица Любиных брата и отчима. Отчим казался равнодушным и привычным ко всему, и только еле заметно кивнул, заметив мой долгий (наверное, нерешительный) взгляд. Лицо Андрея, наоборот, выражало нетерпение и радость, как будто не бабушка, а он сам дарственным жестом протягивал мне эту тысячу.

– Бери же, – сказала мне она.

Рука у неё была тёплой, даже горячей, несмотря на тонкую и сухую кожу, покрытую обычными для стариков коричневыми пятнами.

– Бабушка о ней заботилась всегда. А она не всегда платила добром. Скрывает что-то от нас. А так не надо. Бабушка не обманет.

Мне хотелось хотя бы из вежливости как-то поддержать эти слова, рассказать что-нибудь про свою бабушку. Но, увы, она умерла, когда мне было только девять, и особенной благодарности к ней, как и радостных моментов, я не успела испытать.

На дорогу мне дали карамелек и печённую на сковороде лепёшку из пресного теста.

Я ещё раз съездила в этот дом через несколько месяцев, когда уже царило цветущее, полнокровное лето. Старый дворик тонул в пышных облаках тополиного пуха, а в высоком небе, наоборот, облаков не было – оно дышало теплом и сияло яркой голубизной.

Из окна ещё с улицы слышалась музыка и смех. Я подумала, что в чью-нибудь честь устраивают праздник, и пожалела, что пришла не в нарядной одежде. Оказалось, гости пришли к Любиному отчиму, и все они собрались в зале, громко разговаривали и смотрели телевизор. В коридоре валялись пакеты с вещами и просто разбросанные тряпки. Люба завела меня в небольшую комнату, где тоже стояли пакеты и коробки.

– Скоро переезжаю, – гордо объявила мне она. – К мужу!

Её нескрываемая радость передавалась мгновенно, как сигнал в витой паре. Мы чему-то смеялись и держали друг друга за руки, будто девчонки-шестиклассницы. Потом Люба показывала мне вещи на будущего ребёнка, свои новые «золотые» серёжки, хвасталась, что сама сшила на машинке несколько пелёнок, говорила, как себя чувствует и взамен слышала мои рассказы о дочке. При этом она и слова не молвила о своём загадочном муже, но мне и не особенно хотелось узнавать о нём. По счастливому Любиному лицу было видно, что она готовится к скорой встрече с кем-то дорогим и близким, и этого мне было вполне достаточно.

В Емельяново родные мужа забрали у неё телефон. Теперь можно было звонить только на его номер и просить, чтобы позвали Любу. По голосу этого человека чувствовалось, что он не особенно рад одалживать телефон для долгих разговоров своей жены со всякими подружками, так что теперь мы перекидывались несколькими фразами.

Я почему-то знала, что Люба родит девочку. Так и вышло: тёмной и ветреной сентябрьской ночью у неё родилась дочь Катя. Об этом мне сказал какой-то незнакомый человек, когда я однажды позвонила по последнему Любиному номеру. Больше телефон не отвечал, и вестей от моей приятельницы не было слышно до тех пор, пока однажды меня не вызвали на разговор сотрудники микрозаймовой конторы.

– Любовь Дмитриевна указала ваш номер телефона в нашей анкете и сказала, что вы являетесь её подругой. Это правда?

Я не стала откаться от дружбы с Любкой.

– Вы знаете, где она сейчас находится, где работает?

– Пока не работает, в декрете, а живёт в Емельяново.

Больше мне нечего было сообщить, и разговор прекратился.

Через пару недель Люба вдруг позвонила мне и захлёб начала рассказывать о своей дочке, о том, как хорошо жить в частном доме.

– Лето! Красота! Выйдешь на улицу – гуляешь, гуляешь! Скоро свёкры доделают ремонт в комнате, так я тебя приглашу. Приедешь в свой отпуск с дочкой, поживёте у нас! Кормить вас буду – сметаной буду кормить, лепёшками, кофе поить! Теперь я кофе научилась варить не хуже бабушки!

Я порадовалась, что у неё всё так хорошо устроилось, и решила, что самое время напомнить про долг.

– А много ты в микрозайме должна? Мне тут звонили и спрашивали о тебе. Когда сможешь отдать? – спросила я по возможности спокойнее.

– Звонили? – всполошилась Люба. – Что ты им сказала?

– Да ничего. Адреса твоего я всё равно не знаю. Только и сказала, что живёшь в Емельяново. Что в декрете.

Она тихо, но грубо выругалась.

– Ну, зачем ты это сказала? Зачем, а?

Мне стало немного обидно. Ещё никогда я не слышала от неё грязных слов, тем более в свой адрес.

– А что я сказала такого? Всего-то – где живёшь. Всё равно ведь этот долг отдавать, раз уж взяла!

– Отдава-ать, отдава-ать... – презрительно зашептала она. – Может, я и не хотела отдавать. Не всякому надо отдавать! А это – мошенники, они и так перебьются! А нам были деньги нужны. Очень нужны!

– Долги отдавать всегда надо, – упрямо повторила я, всё ещё обиженная резким тоном.

– Правильная какая! – бросила мне Любка. – Ты уж, будь добра, больше ничего про меня не говори!

Я вдруг поняла, что она обиделась, пожалуй, не меньше моего, и пообещала:

– Не скажу, больше ничего не скажу им. Ты только признайся, много взяла?

– Немного.

– Ну, сколько? Пять?

– Может, и пять, – неопределённо ответила Люба. – Ладно, давай, пока. Созвонимся как-нибудь по этому номеру.

Больше она не звонила. Ни с этого номера, ни с другого.

Андрей нашёл меня во ВКонтакте, попросился в «друзья» и ставил «сердечки» на моих фотографиях. Мы ничего не писали друг другу, и через полгода я удалила его.

В этой же сети я нашла и Любу, поздравляла её с новым годом и днём рождения, но она долго ничего не отвечала. Я терпеливо ждала, зная, что в её суматошной жизни может ещё оказаться и так, что и страница на самом деле не её или поделена с кем-нибудь другим.

Наконец она отозвалась, поинтересовалась, как живу я.

«А у меня всё хорошо», – написала Люба.

И кому-кому, а ей нельзя было не поверить – ей, которая понимала жизнь только как праздник и научила меня тому, что даже на последние две тысячи можно купить платье.

Ценители прекрасного

– Граждане, женщину пропустите без очереди на рентген. Документы приготовьте. Паспорт есть? – привычным распорядительным тоном говорила лекарша травмпункта, высокая дама с суровым лицом.

Трое несчастливцев, сидящих в коридоре, неприязненно оглядели новоприбывшую, которой повезло попасть в нужный кабинет на несколько минут раньше них.

Пациентку бережно положили на жёсткий стол. Пока укрывали свинцовым фартуком, случайно задели ногу. Ноющая боль в опухшей щиколотке запульсировала, застучала.

– Может, ушиб ещё? – почему-то с надеждой спросила медсестра.

Врач покачала головой:

– Нога в неестественном положении.

Загудел рентгеновский аппарат. Полоса света прошла над повреждённой ногой, боль в которой утихомирилась, затаилась до нового неосторожного движения.

Машина прожужжала и щёлкнула. Надя подумала, что это всё, но после первого снимка стали делать ещё один, оттягивая окончательный вердикт. Наконец после долгих тревожных минут врач произнесла ожидаемое:

– Перелом.

* * *

Муж у Нади Плотниковой работал юристом. И не просто юристом – он держал собственную юридическую компанию, в которой постоянно трудились трое его университетских приятелей, да еще числились несколько человек на подсобных работах. Юрфирма специализировалась на разрешении споров между представителями различных услуг и заказчиками, а также на организации предвыборных кампаний в городах нашей Родины. Каждый год Андрей пропадал на два-три месяца, помогая очередному выдвиженцу из Новосибирска, Читы или Перми занять пост главы города. А Надя оставалась одна с детьми.

Конечно, всего через шесть остановок жили Андреевы родители, предлагавшие свою помощь с такой холодной вежливостью, что после того, как младшая пошла в садик, пропало всякое желание её принимать. Из мужниной родни к Наде по-доброму относилась бабушка – обладательница широкого сердца и просторной квартиры-сталинки, в которой они сейчас и проживали. Ещё на свадьбе старушка смотрела на дорогого внука и его невесту такими сияющими глазами, что Надя диву давалась: в них читалось одно только пожелание счастья молодым. Поселиться в её квартире бабушка предложила сама, и вела себя, вопреки Надиным опасливым ожиданиям, так, будто была в этих трёх комнатах с высокими потолками не хозяйкой, а гостьей. Со старшим правнуком Сашкой она охотно нянчилась, но помогала всегда только если её об этом просили. Много времени проводила у компьютера – общалась со своей роднёй из Краснодара. А год спустя после рождения Ксюши неожиданно объявила:

– Уезжаю, детки. Поеду к своим в Краснодар. Этот дом теперь ваш.

На Андрея она тогда написала дарственную. Надя смотрела на подготовку документов, на упакованные в коробки вещи и долго не могла поверить, что старуха в самом деле уезжает. Надя никогда не обижала её, относилась с должным почтением, справлялась о здоровье, но и слова не сказала за всё продолжительное время, пока родственница собиралась в путь. Очень могло быть, что бабушка этого слова ждала, притом именно от Нади, – но, не дождав-шись, уехала.

Свои родители у Нади были далеко и видели внуков только летом, да и то не каждый год. У институтской подруги, с которой в юности были не разлей вода, просить помощи было, конечно, неловко: там своя семья, свои проблемы.

* * *

А помощи Наде хотелось. В первую неделю после отъезда Андрея она даже наслаждалась свободой: не нужно было никому гладить рубашки (детям покупали немнущиеся водолазки и трикотажные кофты), на ужин отпадала необходимость жарить котлеты или, хуже того, чистить нелюбимую Надеждой рыбу. Но уже к концу второй недели Надя была готова и на котлеты, и на рыбу, и на рубашки, и Бог знает ещё на что, лишь бы только Андрей был рядом. Утром приходилось будить детей, которые никак не желали вставать сразу, а, вставая, таскались по квартире как сонные мухи, доводя Надю до крика. В обед Ксюша возвращалась сама, благо школа была совсем рядом, но за уроки ни она, ни Сашка не садились, пока Надя не приходила с работы. Ксюше, правда, задавали всего ничего: заштриховать картинку, посчитать элементарные примеры, написать ряды крючочков и буковок в прописи. Но и с этими пустяковыми заданиями она справлялась, мягко говоря, не блестяще. Крючочки и буквы то вырастали в два раза выше печатных образцов, то падали набок; картинки раскрашивались неаккуратно; примеры решались с ошибками. Но больше всего Надю расстраивало то, что Ксюша была абсолютно равнодушна к стихам. Несколько раз ей задавали прочитать стихотворения и ответить на несколько вопросов в учебнике.

– Какие чувства вы испытываете при чтении этого стихотворения? – читала в книге Надя, испытующе поглядывая на дочку.

– Ску-ку, – отвечала Ксюша.

Надя стала убеждать себя, что это временно, однако отлично помнила, что сама в этом же возрасте не только читала, но и знала наизусть стихи Благиной, Барто, Маршака и даже рисовала к ним иллюстрации.

Сашка читать любил. К одиннадцати годам он проштудировал «Таинственный остров», «Капитана Немо», «Робинзона Крузо», «Чародеев» и ещё, наверное, с десятков приключенческих книг. По школьной программе он толком не читал почти ничего, но, видно, умел с ходу понять, что обсуждается на уроке, добавить пару фраз в дискуссию, и получал четвёрки, а то и пятёрки. Но, если с русским и литературой у Сашки не было проблем (больше всего благодаря взаимной симпатии к учительнице Юлии Николаевне), то на других предметах он часто хватал тройки и даже двойки. С детства Сашка отличался вспыльчивостью, обижался мгновенно, в иные моменты мог пустить в ход кулаки. Боясь осуждения, Надя объясняла первой классной руководительнице Сашкино поведение просто особенностями характера, хотя с пяти лет сын состоял на учёте у невролога.

Октябрь Надя с детьми пережила относительно спокойно. В начале ноября Ксюша простыла и пришлось брать больничный, в конце месяца обнаружился долг за капитальный ремонт дома и письмо с угрозой штрафа от коммунальщиков, а в декабре Надю вызвали в школу на беседу с завучем.

– Мы не первый раз приглашаем вас, Надежда Алексеевна. Мы зовём вас – я зову вас, чтобы с глазу на глаз поговорить и решить проблему, – с задушевностью, от которой за версту веяло фальшью, изъяснялась завуч Светлана Викторовна. – У нас общая проблема – адаптация Саши в классе, в школьном сообществе, и мы её решаем.

– Разве у нас именно эта проблема? – с недоумением спросила Надя.

– А как же? Вы считаете, что ребёнок, который позволяет себе встать на уроке, когда ему вздумается, который позволяет себе огрызаться на замечания учителя, агрессивен в адрес одноклассника – он адаптирован?!

Надя с болью взглянула на сына. Светло-карие Сашкины глаза моргали часто, но смотрели так же уверенно, как и раньше, более того – с вызовом. Надя вздохнула.

– Саша, скажи нам, пожалуйста, как ты сам считаешь: почему ты со всеми конфликтуеть? Что тебе мешает спокойно взаимодействовать? – участливо наклонив голову, спросила завуч.

Сашка слегка нахмурился.

– Ничего не мешает. Я не со всеми конфликтую.

Завуч тряхнула чёрными волосами, стриженными под каре:

– Не со всеми? А с кем – нет?

– С Юлией Николаевной.

Сашка зажмурился и под партой сжал и быстро разжал кулаки. Надя знала, что он делает так, когда его чаша терпения переполняется, и пожелала, чтобы неприятный разговор поскорее закончился. Её почему-то стали раздражать чёрные волосы собеседницы. Вернее, не сами волосы, а несоответствие их смоляного цвета имени Светлана.

– А почему ты с ней не ссоришься?

– Потому что она добрая и хорошая, – уверенно проговорил Сашка.

Завуч медленно кивнула. Открыла и закрыла блокнот.

– Вот как. А остальные, значит, нет?

– Остальные по-разному.

Догадываясь, чем кончится этот расспрос, Надя поспешила узнать у завуча:

– Светлана Викторовна, объясните, ради Бога, что там произошло на истории?

Уловив виноватый тон в Надином голосе, Светлана Викторовна принялась долго, с удовольствием смакуя детали, рассказывать, как и что случилось на уроке. Сашка ёрзал на стуле, нервно стискивал предплечья, желая что-то добавить или возразить, но Светлана Викторовна, разумеется, не давала ему слова.

– Я думаю, он должен извиниться завтра же, – наконец закончила она.

– Да, конечно. Мы это сделаем... Саша извинится, – спешно пообещала Надя, уже изрядно утомившаяся от долгого разговора и пристального взгляда школьной начальницы.

* * *

Дома Надя позвонила отцу и пожаловалась ему на Сашку. Тот позвонил сыну к телефону, коротко сказал ему:

– Не расстраивай мать.

Сашка, похоже, внял совету. По крайней мере, в школу Надю больше не вызывали. На тройки сына по физкультуре и истории она махнула рукой.

Но случилась новая неприятность – потоп. Однажды вечером угол между потолком и правой стеной в кухне начал стремительно темнеть, и не успела Надя сообразить, что происходит, Сашка уже закричал:

– Пошли наверх!

Оказалось, что прорвало трубу. Соседка извинялась и предложила деньги. Надя взяла их и мельком подумала, что такой суммы будет маловато, но, окинув быстрым взглядом вздувшийся пол, мокрый свёрнутый ковёр, развешанные на верёвке тряпки, прониклась внезапным сочувствием и не стала требовать большего.

Два дня она ждала, пока пятно высохнет, и всё это время, садясь на кухне завтракать и ужинать, мучилась от его некрасивости, от безобразных серых потёков на стене, которые не желали исчезать. На третий день она пошла в хозяйственный магазин покупать обои и долго не могла подобрать нужный оттенок. Хотелось, чтобы расцветка была спокойной, но не скуч-

ной, рельеф – не плоским, но и не слишком выпуклым. В конце концов она остановилась на шелкографии.

Вначале Надя думала, что можно будет заменить обои только на одной стене, но скоро поняла, что разноцветные стены в кухне станут смотреться почти безобразно. Нужно было отодвигать всю мебель и сдирать старые обойные полотна.

– Ну, ничего! – бодрила она себя. – Зато какую наведём красоту!

Сашка и Ксюша помогали матери, но весьма неохотно. Надя рассчитывала, что, полюбовавшись на результат своих трудов, они оценят то, как по-новому заиграла кухня. Надя была даже рада этому потопу, благодаря которому смогла так удачно обновить квартиру.

Но в час, когда ремонт на кухне был завершён, дети не сказали ничего, кроме дежурного «нормально», и Надино настроение мгновенно упало до отрицательных величин. Она подумала о том, что, будь здесь Андрей, он бы обязательно оценил её старания, и тут же в глубине души с горечью возразила себе: может быть, и не оценил. Он всегда выбирал кафе не по обстановке, а исключительно по кухне. Ему было всё равно, подадут к столу алюминиевую ложку или серебряную. Картинка на рабочем столе его компьютера не менялась месяцами. Пока с ними жила бабушка, Андрей не разрешал покупать новые шторы в комнаты, видя в потрёпанных занавесках какую-то семейную реликвию и не обращая внимания на их откровенную устарелость.

Наде вдруг по-настоящему стало страшно, что дети могут вырасти такими же, как отец – нечувствительными к прекрасному. Сама она в детстве ходила в музыкальную школу, занималась вокалом и даже мечтала в конце одиннадцатого класса поступить в Институт искусств. Однако мечта так и осталась мечтой. Надиной смелости хватило только на то, чтобы заглянуть на сайт вождественного учебного заведения и посмотреть информацию для абитуриентов. С высшим образованием у неё вообще не сложилось: для юрфака университета не хватило баллов, платное обучение родители не могли потянуть, и поэтому Надя ограничилась юридическим техникумом, давшим ей стабильное рабочее место и выгодное знакомство с Андреем.

Надя стала лихорадочно перебирать в уме, куда бы они могли сходить, что посмотреть и послушать, чтобы наверстать упущенное. За два с половиной месяца, наполненные рабочей суетой и выяснением отношений, Надя сама вымоталась так, что остро нуждалась в подпитке прекрасным. Ей захотелось организовать не просто прогулку, а настоящий выход в свет. И она вспомнила о театре.

Сашка и Ксюша ходили только в кукольный театр, когда были дошколятами. Сын ещё лет в девять или десять ездил с одноклассниками в ТЮЗ на какую-то детскую постановку. Но серьёзный спектакль они не смотрели ещё ни разу.

– Балет! – воскликнула Надя. – Конечно, балет! «Щелкунчик»!

Приехав когда-то из своего городка в Красноярск, она посетила все его музеи, зоопарк, торговые центры, но особый интерес проявила к Театру оперы и балета. С подружками они ходили смотреть «Ромео и Джульетту», «Спящую красавицу» и даже «Гусарскую балладу». Но на «Щелкунчике» Надя никогда не была. Схватившись за эту идею, она живо стала представлять, как они с Ксюшей нарядятся в красивые платья, заплетут причёски, для Сашки достанут белую рубашку с галстуком-бабочкой... Они посвятят сборам в театр половину дня, как это было в старые времена в дворянских семьях. Придя в зал, не спеша найдут свои места, улыбнутся друг другу и приготовятся внимать тайнству. А после спектакля, обновлённые искусством, вернуться домой и начнут украшать комнаты к новому году. И тогда забудется вся мелочная житейская суета, которой были переполнены последние недели, в доме воцарится радость, скорое предчувствие праздника – и, конечно, приезда Андрея.

* * *

В воскресенье Надя проснулась от сладостного предчувствия чего-то необыкновенного, явно выходящего за рамки рутинной серости и при этом (что особенно приятно было осознавать) полностью ею заслуженного.

– Дети, сегодня идём на балет! – прокричала она Ксюше и Сашке.

На кухне сыр и хлеб резались сами, каша варилась идеально. После завтрака Надежда усадила Сашку за уроки, сама расположилась рядом на тахте и с необъяснимым для себя умилением наблюдала за всеми движениями сына: за тем, как он пишет, как, насупившись, смотрит в книгу, как перелистывает гибкими нервными пальцами страницы учебника, стремясь что-то отыскать.

– Получается, сынок? – спросила Надя.

Сашка уставился на неё непонимающе:

– Мама, что с тобой? Ты какая-то странная.

Надя смутилась и встала с тахты, собираясь выйти из комнаты:

– Я просто радуюсь. Сегодня пойдем в театр, потом украсим дом к новому году... Сделаем самодельные игрушки, повесим гирлянду... А там уже скоро приедет ваш папа...

– Да, скоро, – улыбнулся сын.

Ксюша, позавтракав, лежала на диване с планшетом. Надя подошла к ней, поиграла лёгкими прядями дочкиных волос.

– Доченька, давай, может, порисуем?

– Я по ИЗО всё сделала в школе, – Ксюша перевернулась с живота на спину и потянулась.

– А просто так?

Дочка покачала головой.

– Ну ладно, – не расстроилась Надя. – В четыре часа начнём с тобой одеваться. Локоны накрутим...

Но когда в четыре Надя приблизилась к дочери с плойкой, та скривила круглую мордашку и изрекла такое, от чего у матери ёкнуло сердце:

– А можно я не пойду?

Надя рассерженно кинула плойку на диван:

– Как это «не пойду»? Мы давно договорились. Я тебя одну дома не оставлю! Да о чём ты говоришь!? Там такой красивый спектакль! Это же настоящая сказка! На сцене будут танцевать, рассказывать нам в танце и музыке историю про новый год, про одну девочку...

Ксюша с обречённым видом пожала плечами и показала пальчиком на плойку.

– Ну, можно хотя бы без этих...

– Чёрт с тобой! – психанула Надя. – Садись, заплету косу!

Сашка не захотел надевать белую рубашку категорически:

– Я запачкаю её, и кому будет хуже? У тебя опять же испортится настроение. И вообще я не любитель официоза.

Он уже потянулся к любимой толстовке с изображением Наруто, но Надя, вовремя заметив движение, выхватила из шкафа вешалку с клетчатой серо-чёрной рубахой:

– Тогда хотя бы это!

Ксюша нехотя напялила на себя синие колготки и шерстяное платье с белым воротничком.

– Сделали бы локоны, можно было бы надеть розовое. А так получается – школьный стиль, – сетовала Надя.

Сама она выбрала для себя тёмно-зелёное, малахитового цвета платье, и в тон ему – симпатичное колье с зелёными и синими вставками, которые блестели не хуже, чем какой-нибудь

лазурит. В комплекте к яркому колье шли ещё серёжки. Волосы Надя уложила в причёску и её тоже украсила заколкой с камнями.

Когда все приготовления были закончены, Ксюша вдруг сказала:

– Мама, я хочу есть. Есть что поесть?

Надя всплеснула руками:

– Ты же недавно ела пельмени!

– Что-то хочется ещё, – развела руками дочь. – Можно хоть булочку съем, а?

– Иди, ешь, – вздохнула Надя. – Буду вызывать такси...

Машина приехала быстро. Когда они вошли в фойе театра, зрителей ещё было немного.

– Ты зря волновалась, – заметил Сашка. – Видишь, успели. Да и не так много народу пришло смотреть этот твой балет.

Они прошли в зал. Надя купила билеты в партер, но на боковые места и достаточно далеко от сцены: нижние места стоили слишком дорого и, кто знает, не слишком ли громко там играет оркестр?

С минуту Надя молча глядела на парчовый занавес, и ей начало казаться, что цветы и молнии на нём движутся, а из-за кулис начинают доноситься протяжные, еле слышные звуки. Она улыбнулась кому-то неведомому за сценой и закрыла глаза, желая, чтобы из приятной мечтательной полудрёмы её выхватила и унесла музыка.

– Мама, а тут перерыв будет? – тронула мать за подол Ксюша.

Надя только кивнула утвердительно.

Оркестр грянул внезапно, занавес раздвинулся, и на заднике сцены показалась огромная блестящая ёлка с нарисованными серебристыми шарами. Под весёлую мелодию выбежали красиво наряженные пары, стали кружиться вокруг ёлки, потом отходили от неё, словно любуясь.

Ксюша ёрзала в кресле, то наклоняя голову вправо, то вытягивая шею, будто голубь, вперёд.

– Видно плохо, – пожаловалась она.

Сашка встал со своего кресла:

– Меняемся.

Надя заметила, как соседка снизу обернулась к ним и пошевелила губами – видно, проворчала что-то неодобрительное.

Красивые пары тем временем закончили восхищаться ёлкой. Заиграл марш. Потом пары снова начали выстраиваться для танцев.

– Они, что ли, опять будут танцевать? – разочарованно спросила Ксюша.

Надя кивнула, но дочь не отставала:

– Всё танцевать и танцевать? А перерыв будет?

– Будет! Замолчи! Сиди молча! – шикнула Надя.

Ксюша обиженно отвернулась, но затихла.

Наде не было видно лиц артистов, но ей казалось, что все они улыбаются – все эти условные мальчики и девочки, с такой непринуждённостью порхающие по сцене с куклами и сабельками в руках. Она вспомнила, как в детстве с родителями ездила на новый год к деду, и там собралось сразу три или четыре семьи родственников. Дед, конечно, не был похож на кудесника Дроссельмейера, но в своё время тоже подарил праздник ребятишкам. Надя тогда получила на новый год какую-то белую лису из ГДР, её старший брат – металлический грузовик... А сейчас у детей столько хороших игрушек, у которых на лице вместо пуговиц идеально нарисованные глаза, столько машинок, луков, арбалетов – причём не только тех, которые можно подержать в руках, но и виртуальных. Как же нынешние ребята со всем этим богатством должны быть счастливы!

На сцене радостные дети удалились, уступив место степенным, но, кажется, тоже очень довольным жизнью родителям. Под неспешную музыку взрослые пары прохаживались и кру-

жились, навевая на Надю неизъяснимую тоску. Когда они стали раскланиваться и прощаться, она отчего-то почувствовала облегчение.

Сцена опустела, и в этой пустоте, затянувшейся на долгие мгновения, стало исподволь чудиться что-то недоброе. На сцену вышла Мари в красно-белом платье, держащая за руки игрушку-щелкунчика, который начал преобразовываться из куклы в человека. Не видя её глаз, Надя была уверена, что Мари смотрит на Щелкунчика почти с материнской нежностью и в то же время с чувством восхищённого ожидания, какое бывает у невесты перед свадьбой.

Зло, присутствие которого до сих пор только смутно ощущалось, обрело материальность: будто из-под земли выросли мыши – нестрашные, но оставляющие неприятное чувство своими резкими скачками и выпадами. Сашка наблюдал за битвой мышей и игрушек с явным вниманием, и на сердце у Нади потеплело.

Щелкунчик победил, свет зажётся.

– Перерыв! – радостно воскликнула Ксюша.

В крайних местах оказалась одна выгода: отсюда можно было быстрее выйти из зала и добраться до буфета.

Надя купила всем по десерту в стакане. Они расположились втроем за круглым столиком, Ксюша принесла маленькие ложечки.

– Ну, как вам спектакль? – с улыбкой спросила Надя.

Ксюша пожалала плечами и стала недоверчиво осматривать пластиковый стакан с десертом.

– Примитивно, – изрёк Сашка. – Очень примитивные решения. Девочки все с куклами, мальчики с саблями. Это гендерные стереотипы.

Надя от растерянности даже не сразу сообразила, что сказать.

– А что ты бы хотел?

– Не знаю, – зажевав десерт, ответил сын. – Я подозреваю, искусство балета вообще исключает сложные решения. Тут везде всё просто до банальности. И ещё мужики в колготках... Мерзко.

– Ну, это условность искусства, – снисходительно улыбнулась Надя.

– Вот я бы папу никогда не представил на сцене вместо этого Щелкунчика, – сказал Сашка.

– А поваром представил бы? А строителем?

– Жизнь прижмёт, почему и нет, – пожал плечами Сашка, углубившись в десерт.

– Примитивно... А что не примитивно, аниме твоё? – спросила Надя с лёгким презрением.

Сашка прекратил жевать и сказал очень чётко, тоном, не допускающим возражений:

– Аниме. Не. Примитивно.

– Ясно, ясно, – поспешила примириться Надя и обратилась к дочке. – Ну, а ты что скажешь? Тебе нравится?

– Ага, – довольно сказала Ксюша. – Я вначале засомневалась, а потом оказалось круто!

Надя засияла улыбкой.

– А кто понравился больше всего, какой номер?

Ксюша уставилась на неё, моргнула круглыми голубыми глазами.

– Номер?

Тут только Надя сообразила, что дочь говорит про десерт.

* * *

На сцене сменились декорации: вместо огромной искрящейся тёмно-зелёной ёлки появился дворец. Это сразу вызвало неудовольствие Ксюши.

– Куда ёлочку убрали?

– Щелкунчик победил, они приехали во дворец сладостей, – раздражённо прошептала ей Надя.

Музыка заиграла бравурная, торжественная. Щелкунчика и Мари встречали с большими почестями и устроили для них представление.

– Сейчас будет испанский танец «Шоколад», – шепнула Надя Сашке.

– Почему «Шоколад»? – громко спросил он. С переднего ряда оглянулась пара человек. Надя только махнула ему рукой: мол, тихо.

После «Шоколада» представляли арабский танец «Кофе». Музыка здесь не была очень запоминающейся, зато одетые в светло-зелёные полупрозрачные костюмы танцовщицы удивляли чудесами гибкости. Танец длился долго и был весьма похож на цирковой номер.

– Мам, а скоро закончится? – тихонько спросила Ксюша.

Надя посмотрела на неё с искренним недоумением:

– Не очень. Сиди, смотри.

Ксюша вздохнула и отвернулась, уткнувшись носом в мягкое кресло.

Когда очередь дошла до танца «Трепак», Сашка вдруг оживился и стал слегка прихлопывать себя ладонями по коленкам. Но Ксюша уже совершенно не хотела смотреть на сцену и стала ныть об одном:

– Мама, дай телефон.

Надя мотала головой, пытаясь обойтись без слов, но дочь уже не хотела считаться с приличиями и продолжала канючить в голос.

– Да нельзя же! – довольно громко сказала Надя.

На них снова обернулись два или три человека с переднего ряда.

– Нельзя ли потише? – иронически вежливым тоном попросила седая дама.

Надя, опалённая стыдом, собралась извиниться, но Сашка опередил её, сказав:

– Мы сейчас выйдем.

– Куда?.. – недоумевающе спросила мать.

– Всё равно мы всем мешаем, – ответили дети и, быстро выбравшись из кресел, удалились, аккуратно притворив боковую дверь.

Пока на сцене плясали пастушки и мамаша Жигонь с паяцами, Надя ещё надеялась, что дети вернуться, и то и дело поглядывала на дверь. Потом был чудный «Вальс цветов» с нежной весенней мелодией. Белые и розовые фигурки, в мелькании похожие на пену лепестков, закружились, упорхнули со сцены, оставив её на мгновения пустой и немой.

Из темноты появлялись звуки – вначале робкие, потом набирающие силу и уверенность, как тепло весной. Ярким белым цветком на сцене явилась фея Драже, с нею – нарядный принц Оршад. Как влюблённые после долгого расставания, они протягивали друг другу руки и не могли насмотреться один на другого. Их гибкие движения не были похожи на танец – это была просто радость встречи, радость жизни, счастье любви.

Потом фея Драже танцевала одна. Вкрадчивая волшебная музыка пульсировала и звенела, манила обещанием чудес, слегка пугала низкими настороженными звуками. Узнав мелодию, какой-то ребёнок в зале тихо воскликнул:

– «Китикет»!

Надя усмехнулась. На сцене появились счастливые Мари и Щелкунчик, которые были теперь частью манящего сказочного мира. Цветы, снежинки, марципаны приглашали их танцевать с собой. На сцене все радовались.

Отшумел финальный вальс. Всё стихло. Занавес опустили и вновь подняли через несколько долгих секунд. Перед зрителями была Мари, заснувшая в кресле. Она обнимала игрушку-щелкунчика.

Благодарные зрители встали аплодировать артистам. Шелестели платья, плыло по огромному сиянному огнями залу парфюмерное облако. Люди рукоплескали танцорам и оркестру,

знакомые переглядывались, обменивались короткими репликами о спектакле, чтобы потом, за пределами театра, возможно, продолжить разговор. А Надя была одна в этой праздничной толпе, и ещё ни разу за два последних месяца её одиночество с такой неумолимой силой не выкручивало душу, оставляя внутри ощущение бесцветной и беззвучной пустоты.

Надя не сразу почувствовала, что плачет. Люди давно стали расходиться. Мари и Щелкунчик продолжали раскланиваться на сцене, и Надя бросила на них прощальный взгляд, полный сожаления от неизбежного расставания. Как во сне она вышла из боковых дверей, не заметив, что её, задумавшуюся, чуть было не толкнул какой-то господин необъятных габаритов.

Она остановилась напротив бронзовой скульптурной композиции, которая изображала двух нарядных кавалеров в жабо и их дам в пышных платьях с фижмами. Это была сцена из восемнадцатого века. Кавалеры и дамы держали друг друга за руки и, как казалось Наде, готовились начать танец.

– Мам, пойдём! – требовательно прокричала Ксюша.

Надя, сделав усилие над собой, отвернулась от скульптуры и медленно пошла по мраморной лестнице.

– Где номерки? – весело спросил Сашка, протягивая ладонь.

Надя слышала его, но отозвалась не сразу. Ей хотелось заставить детей ждать, а, может быть, и нервничать. К гардеробу тем временем волной прилила толпа, и уже поневоле пришлось стоять, пока она рассосётся.

– Ну вот! – разочарованно воскликнул нетерпеливый Сашка.

* * *

У самого выхода им встретила женщина в круглой меховой шапке, держащая в руках светящиеся разноцветные шары на палке.

– Ша-арички ребятишкам берём, – призывно пропела она.

Ксюша оживилась немедленно:

– Мама, купи!

– Хватит вам, – отрезала Надя. – И так потратилась: сходили в театр на вечерний сеанс, десерт купили с коктейлем, – хватит.

– Да не нужен нам твой театр был! – бросил Сашка. – Пустая трата денег. Это ты решила пойти, а мы не хотели!

– Ма-ам, купи шарик, – заныла Ксюша.

Надя вдохнула морозный воздух – глубоко, чтобы заполнить лёгкие и проветрить голову. Но это не помогло. Слезы предательски подступали к горлу. Неделю она мечтала о театре, рисовала в красках, как они втроём будут смотреть балет, как, счастливые, вернуться домой в новогоднем настроении. Но какое, к чертям собачьим, настроение, когда собственным детям на неё плевать, и одна хочет только жрать и играть, а другой хамит всем направо и налево?!

Надя зарыдала и оттолкнула от себя Ксюшу, которая, похоже, упрямо собиралась предпринять новую попытку выпросить шарик.

– Пошли на фонтаны! – зазывно махнул рукой сестре Сашка.

Надя хотела было остановить их, но передумала: пусть проветрятся, забудут, по крайней мере, про эти дурацкие шарики. Надо же придумать такое – сразу на выходе из театра продавать ерунду, которой и так полно в магазинах. Да ещё по какой цене!

Надя с тоской посмотрела на мраморное здание театра. Сквозь пелену слёз она видела перед глазами счастливую Мари, храброго Щелкунчика, мышинное войско, изящных танцовщиц в воздушных арабских костюмах и чалмах... Она, кажется, перестала даже чувствовать холод, погрузившись в волшебство дивной музыки. Мелодия па-де-де накатывала волна за волной: первые из них были тихие и вкрадчивые, пленяющие лаской, последующие – набирали

силу и дерзость, тревожили в сердце такие потаённые струны, о существовании которых Надя забыла долгое время назад.

От очарованного сна её пробудил раскатистое:

– Ма-а-ма!

Вытерев лицо бумажной салфеткой, Надя повернула голову влево – оттуда доносился голос дочери. Она увидела Ксюшу стоящей на мраморном постаменте фонтана.

– Летом везде огоньки горели, а сейчас немного, – с сожалением сказала Ксюша и сделала шаг внутрь чаши фонтана.

Надя испуганно воскликнула:

– Там может быть ток!

В одно мгновение она оказалась рядом с фонтаном. Каблук скользнул по чуть припорошенному снежком мраморному постаменту.

– Ксюша! Слезь!!

Надя вскрикнула от резкой боли. Ногу повело вперёд и влево, равновесие было потеряно, и Надя рухнула вниз, на лёд. В ушах у неё тоненько зазвенело.

– Мам, вставай, – протянул руку Сашка.

Надя сделала порывистое движение, чтобы подняться, но почувствовала, что не может.

– Женщина, вам помочь? – с осторожной вежливостью спросил подошедший мужчина среднего роста, возраста и внешности.

Надя печально посмотрела на него.

– Вызывайте скорую, – убитым голосом сказала она.

Прохожий достал сотовый. Ксюша присела на корточки, подобрав подол модного серебряного пуховика, взяла мать за руку:

– Мам, тебе больно? Потерпи, сейчас дядя доктора вызовет...

Надя только слабо кивнула. Ей не хотелось видеть сейчас детей рядом. В глубине души она вообще надеялась, что всё обойдётся ушибом, и этот неприятный эпизод не испортит капитально воспоминаний о театре.

– Позвони бабе Гале, она тут недалеко, – попросила она Сашку. – Пусть приедет, заберёт вас отсюда. Побудете до завтра у неё, переночуете. Я могу и в школу позвонить, объяснить...

– Нет, мы с тобой! – протянула руки Ксюша.

Надя чуть пошевелила ногой, и от ступни до колена почувствовала тупую боль.

– Домой тогда езжайте.

Прохожий сказал, что скорая уже выехала. Дети топтались в ожидании.

– Домой езжайте, говорю! – крикнула им Надя.

Сашка не стал спорить и только попросил:

– Дай сотку.

* * *

В окне большой комнаты была щель, из которой всегда потихоньку поддувало, а сейчас, в декабрьскую стужу, намёрзла тонкая серебристая полоска льда. У Нади раньше руки не доходили до этого окна, а теперь она радовалась тому, что не успела укрепить раму: от морозного свежего дуновения серебристая полоска росла вширь, и в сумеречном зимнем полумраке становилась похожа на заснеженный лес, над вершинами которого искрились едва заметные белые звёздочки.

Дней через восемь Надя кое-как научилась передвигаться на костылях, но по дому ничего делать не могла: навыка хватило только на то, чтобы кое-как обслуживать себя саму. Раз в два дня приходила помогать с хозяйством жена одного из Андреевых друзей, работавших в юрфирме. Люба подметала пол, покупала в магазине полуфабрикаты и фрукты, пару раз

пожарила вкусные котлетки из куриного фарша. Надя много её благодарила и в первые два дня настойчиво предлагала деньги. Та отказывалась:

– Что я, не понимаю, что ли? У самой ребёнок.

Сашка после школы жарил картошку, варил пельмени, делал тосты с паштетом, мыл посуду. Утром он вставал сам, будил сестру, насыпал ей и себе хлопьев с молоком. Ксюша подходила к матери, чтобы та её заплела, а потом под опекой брата доходила до своего класса в школе.

– Саша, сынок, – чуть не плача от умиления, говорила Надя. – Почему ты раньше всего этого не делал?

– Раньше не надо было, – флегматично отзывался сын.

Когда дети уходили на уроки, Надя обычно смотрела что-нибудь на Ютубе или читала. Она немного умела вязать крючком, но с появлением второго ребёнка забросила это занятие, а теперь, найдя интересные ролики в интернете, затеяла вязать ажурные снежинки разных размеров и узоров.

– Красиво, – сказала Ксюша, с удивлением ошупав снежинку. – Повесим их на ёлочку.

Надя с чувством умиротворения глядела на то, как Сашка и Ксюша собирали, а потом украшали ёлку. При собственной беспомощности дети казались ей почти божествами, которые возвращали у неё на глазах мировое древо.

– В этот раз я вам и подарки не смогу купить, придётся папу ждать, – вздохнула Надя.

– Ничего. Это мы тебе купим. Ты что хочешь? – спросил Сашка.

– Ой, да ничего мне не надо...

Сашка посмотрел на неё в упор:

– Мама, говори уже.

Чего она хочет, Надя знала давно, только скрывала даже от себя. Помолчав, она призналась сыну:

– Есть такой инструмент – калimba. Называется по-другому «ручное фортепиано». Но сколько стоит, не знаю...

Надя лукавила: она прекрасно знала, что цена этой дивной игрушки, рождающей музыку Карибских островов, около двух тысяч. Но, когда Сашка одним махом нашёл искомое в интернет-магазине, притворно вздохнула:

– Ой, дорого... Если ещё с доставкой.

– Я съезжу, заберу, – Сашка без колебаний нажал кнопку «Купить по блиц-цене».

– Это же далеко! – испугалась Надя уже искренне. – И где ты, интересно, деньги собрался взять?!

– Я давно видел, куда ты их прячешь, – засмеялся сын.

* * *

Андрей говорил с родными по громкой связи, сказал, что ждать его домой надо двадцать восьмого декабря к утру.

– Ура! Ты ещё посмотришь мой праздник в школе, – обрадовалась Ксюша.

Пока дочь была в садике, Надя ходила на её утренники сама. Ей и в голову бы не пришло просить мужа о такой глупости, как присутствие на детском празднике. Однако сейчас Андрей как-то сразу согласился:

– Конечно, схожу к вам в школу.

Вечером Надя нашла в сети мультфильм «Песнь моря», позвала детей посмотреть его вместе. Сашка отговорился уроками: мол, четверть заканчивается, надо подтянуть математику до четвёрки. Когда мультик уже перевалил за середину, неожиданно пришла Ксюша. На экране земной мальчик Бен уговаривал колдунью-сову Маху спасти его сестру:

– Ты должна помочь ей! Иначе этой ночью умрёт она, и ты, и весь ваш вид!

Ксюша осталась с матерью, одним глазом посматривая на мультик, другим – в детский планшет. Сестра Бена Сирша, в чьих жила текла кровь матери-волшебницы, приподнялась от земли в белых одеждах, начала петь, и мелодия золотой рекой разлилась по небу. Ксюша в удивлении замерла перед экраном ноутбука.

Спев чудесную песню, от которой ожил каменный великан Мак-Лир, Сирша стала приближаться к матери, не касаясь земли.

– На гироскутере как будто едет, – съюморил вдруг оказавшийся в комнате Сашка.

Сирша не стала уходить за матерью, осталась в доме с отцом и братом и сделалась обыкновенным ребёнком. Посмотрев финальные титры, где она купается в море, смеётся и окунает брата лицом в торт, Сашка усмехнулся и вышел на кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.